

Применение вооруженной силы государствами как мера превентивной самозащиты ad hoc от внешней угрозы

*Гольцов С.Д.**

*Малеев Ю.Н.***

Применение вооруженных односторонних самозащитных мер государствами в международных отношениях всегда вызывало и будет вызывать острейшие споры. Само понятие «самозащита» трудно поддается определению, едва только мы выходим за рамки «обычной» самообороны со стороны государства в ответ на уже совершенное на него вооруженное нападение в контексте ст. 51 Устава ООН. Тем не менее к этому понятию сегодня приходится обращаться в силу очевидного стремления ряда государств защищать себя не только от непосредственной угрозы (термин, также не имеющий однозначного определения), но также просто от угрозы и от потенциальной угрозы в долговременной перспективе.

В концептуальном плане важнейшее значение имеют здесь внешнеполитические взгляды конкретных государств на проблемы войны и мира. Например, в течение 1960-1970-х годов руководство КНР считало, что сам факт существования империалистических (социалистических) государств означает неизбежность, а в определенных случаях и желательность новой мировой войны¹. Понятно, что при таком внешнеполитическом подходе КНР находилась в позиции «постоянной готовности к защите», необходимость которой диктовалась не конкретной угрозой или конкретным нападением, а общеполитической ситуацией в мире (понимаемой по-китайски). В таком контексте меры планируемой самозащиты (односторонние – в том числе и, возможно, в первую очередь) составляли неотъемлемый элемент государственной безопасности как таковой. Подобное состояние

* Гольцов Сергей Дмитриевич – советник Председателя Правления Абсолют Банка.

** Малеев Юрий Николаевич – д.ю.н., профессор кафедры международного права МГИМО (У) МИД России.

¹ Свешников А.А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников. М., 1999. С. 42.

«постоянной готовности к защите» нередко характерно и для региональной политической ситуации (например, на Ближнем Востоке), и для двусторонних отношений между государствами (например, между Индией и Пакистаном).

Но сказанное выше если и связано с самозащитными мерами, то почти исключительно в плане разработки оборонительной концепции, предусматривающей, кроме прочего, реакцию на совершенное нападение. В то же время накапливаются ситуации и факты превентивной реакции, которые все чаще заставляют политиков и юристов говорить не просто о применении вооруженных сил на иностранной территории, а о превентивном применении таких сил *ad hoc*. В таких случаях нередко всплывает и давно осужденная, но все больше утверждающая себя вновь концепция превентивной самообороны. Н.В. Прокофьев в 2003 году систематизировал соответствующий нормативный и научный материал в рубрике борьбы с международным терроризмом на иностранной территории². Но здесь возможны и более широкие обобщения.

Но вначале о некоторых (по необходимости – выборочно) общеизвестных фактах, которые послужат основой для теоретических обобщений.

Март 1978 года. Вторжение войск Израиля в Ливан под предлогом подавления баз террористов. Непосредственное нападение на Израиль в данном случае не предпринималось³. Очевидно, что здесь мы имеем дело с самозащитной операцией *ad hoc* особого рода, с превентивными (по логике властей Израиля) действиями, призванными не допустить использования соответствующих баз террористов для террористических акций против Израиля.

1983 год. Бомбардировка войсками США Бейрута под предлогом самообороны в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Речь здесь может идти о самообороне (самозащите) «на дальних рубежах», на иностранной территории, поскольку собственно территория США не подвергалась нападению.

Октябрь 1985 года. Нанесение бомбовых ударов израильской авиацией по штаб-квартире ООП (Организации Освобождения Палестины) на территории Туниса. Мотивация, представленная Израилем в Совет Безопасности ООН, такова: власти Туниса предоставили убежище арабским

² Прокофьев Н.В. К вопросу о борьбе с международным терроризмом на территориях иностранных государств // МЖМП. 2003. № 1. С. 40-60.

³ Через три месяца Израиль вывел свои войска по требованию ООН. См.: S/RES/425 (1978).

террористам. Совет Безопасности квалифицировал данный акт как акт вооруженной агрессии Израиля в отношении Туниса⁴.

Апрель 1986 года. Бомбовый удар авиации США по Триполи, направленный (по мотивации США) против ливийского терроризма и являющийся якобы актом самообороны.

Июнь 1993 года. Ракетный удар США по разведцентру Ирака в Багдаде. Мотивация: Ирак организовал теракт против экс-президента США Джорджа Буша-старшего⁵.

1996 год. Военная операция «Гроздь гнева» войск Израиля на территории Южного Ливана. Мотивирована Израилем как направленная против террористов-боевиков «Хезболлах».

1998 год. Ракетные удары США по лагерям террористов на территории Афганистана и Судана в ответ на взрывы посольств США в Кении и Танзании⁶.

Осень 2001 года. Военная операция США в Афганистане, которая может восприниматься и как ответная (в порядке самообороны) акция на события 11 сентября 2001 года, и как превентивная акция, направленная на то, чтобы предотвратить дальнейшее нападение террористов на территорию США и против США.

Н.В. Прокофьев точно определяет причины, по которым администрация США при квалификации акта 11 сентября 2001 года быстро перешла от термина «теракт» к термину «акт войны»⁷. Популистские соображения в данном случае играли незначительную роль. Гораздо более важно, что тем самым был обозначен не единичный враг и не единичный теракт, а определена понятийная основа вооруженной борьбы против международного терроризма и поддерживающих его государств с подтекстом возможного перенесения вооруженной борьбы на территорию других государств, своего рода «перманентной пре-

⁴ S/RES/573 (1985).

⁵ МИД РФ квалифицировал этот шаг как вытекающий из права на самооборону по ст. 51 Устава ООН. См.: Комментарий МИД России в связи с акцией, предпринятой США в отношении Ирака в ночь с 26 на 27 июня 1993 года // Дипломатический вестник МИД России. 1993. № 13-14. С. 40.

⁶ США в данном случае толковали право на индивидуальную самооборону по ст. 51 Устава ООН как допускающее нанесение ударов по лагерям международных террористов, расположенных на иностранной территории. Характерно, что Совет Безопасности ООН, решительно осудив указанные взрывы посольств США, положительно охарактеризовал военную акцию США на территории Афганистана и Судана. S/RES/1189 (1998).

⁷ Прокофьев Н.В. Там же. С. 3.

вентивной самозащиты» (данный термин принадлежит авторам настоящей статьи – С.Г. и Ю.М.).

Но в указанной цепочке пропущены еще два важных документа. В первую очередь это выступление Президента США перед выпускниками Военной академии США в Вест-Пойнте 1 июня 2002 года, где он сделал следующее заявление: «Политика сдерживания невозможна в отношениях с неуравновешенными диктаторами, располагающими оружием массового уничтожения, которое они могут тайно передать своим союзникам-террористам... Войну против терроризма нельзя выиграть, занимая оборонительную позицию... Мы должны быть готовы к *упреждающим действиям*, когда они потребуются для защиты нашей свободы и наших жизней»⁸ (выделено нами. – С.Г. и Ю.М.).

Указанным выступлением как бы подготовлена почва для провозглашения 20 сентября 2002 года американской «Стратегии национальной безопасности», которая, кроме прочего, оперирует понятием «**превентивного удара**». Такой удар допускается, согласно Стратегии, в отношении не только международного терроризма, но и «враждебно настроенных государств»⁹! При этом администрация США предполагает идентифицировать и уничтожить соответствующую угрозу до того, как она достигнет государственных границ, «не останавливаясь в случае необходимости перед действиями в одиночку»¹⁰. Это серьезнейшее событие не только и не столько в законодательстве США, но и в мировой политике в целом, поскольку означает возврат к доктрине превентивной самообороны. Агрессия США и Великобритании в Ираке показала всю серьезность намерений США следовать этим курсом.

Но здесь следует отметить и тот факт, что до выступления Джорджа Буша в Вест-Пойнте и выхода Стратегии национальной безопасности США была обнародована Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации 21 апреля 2000 года № 700. В данном документе ряд положений ориентирован на возможность осуществления Вооруженными Силами РФ превентивных военных акций на территории иностранных государств и в открытом море.

На такое понимание, где косвенно, где прямо, наталкивает уже сама формулировка некоторых «Основных внешних угроз» в Доктрине,

⁸ См.: <http://www.whitehouse.gov/news/releases/2002/06/20020601-3.html>.

⁹ The National Security Strategy of the United States of America. P. 14. <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.pdr>

¹⁰ The National Security Strategy of the United States of America. P. 12.

а именно: территориальные **претензии** к Российской Федерации; вмешательство во внутренние дела Российской Федерации; **попытки** игнорировать (ущемлять) интересы Российской Федерации в решении проблем международной безопасности, противодействовать ее укреплению как одного из влиятельных центров многополярного мира; **наличие очагов вооруженных конфликтов**, прежде всего вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников; **создание (наращивание) группировок войск (сил)**, ведущее к нарушению сложившегося баланса сил, вблизи государственной границы Российской Федерации и границ ее союзников, а также на прилегающих к их территориям морях; **расширение военных блоков и союзов** в ущерб военной безопасности Российской Федерации; **ввод иностранных войск** в нарушение Устава ООН на территории сопредельных с Российской Федерацией и дружественных ей государств; **создание, оснащение и подготовка на территориях других государств** вооруженных формирований и групп *в целях их переброски для действий на территориях Российской Федерации и ее союзников*; **нападения** (вооруженные провокации) на военные объекты Российской Федерации, расположенные на территориях **иностраных государств**, а также на объекты и сооружения на государственной границе Российской Федерации, границах ее союзников и в Мировом океане; **действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности**, в том числе путем *воспрепятствования работе* российских систем государственного и военного управления, на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, противоракетной обороны, контроля космического пространства и обеспечения их боевой устойчивости, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов; **враждебные**, наносящие ущерб военной безопасности Российской Федерации и ее союзников **информационные** (информационно-технические, информационно-психологические) действия; дискриминация, подавление прав, свобод и законных **интересов граждан Российской Федерации в иностранных государствах**; **международный терроризм** (выделено нами. – С.Г. и Ю.М.).

Главные цели обеспечения военной безопасности согласно Доктрине – **предотвращение**, локализация и нейтрализация военных угроз Российской Федерации (часть I, п. 7, абз. 2).

Российская Федерация... отдает предпочтение политическим, дипломатическим и иным невоенным средствам **предотвращения**, локализации и нейтрализации военных угроз на региональном и глобальном уровнях (часть I, п. 7, абз. 7).

Доктриной предусмотрено использование возможностей ООН, других международных организаций для **предотвращения** агрессии, принуждения агрессора к прекращению войны (вооруженного конфликта) на ранних стадиях, восстановления международной безопасности и мира (часть I, п. 10 б, абз. 8).

Согласно Доктрине «Российская Федерация поддерживает готовность к ведению войн и участию в вооруженных конфликтах исключительно в целях **предотвращения** и отражения агрессии, защиты целостности и неприкосновенности своей территории, обеспечения военной безопасности Российской Федерации, а также ее союзников в соответствии с международными договорами (часть II, п. 1).

Соответственно в число основных задач Вооруженных Сил РФ по обеспечению военной безопасности входят, кроме прочего: своевременное **вскрытие угрожающего** развития военно-политической обстановки, **подготовки вооруженного нападения** на Российскую Федерацию и (или) ее союзников (часть II, п. 17 а, абз. 1); **предотвращение и пресечение диверсий и террористических актов** (там же, абз. 12); **предупреждение** экологических катастроф и других чрезвычайных ситуаций, ликвидация их последствий (там же, абз. 13).

Превенционный элемент свойственен и следующей норме: ведение стратегических операций, операций и боевых действий (в том числе совместных с союзными государствами) по разгрому вторгшихся, уничтожению созданных (**создаваемых**) группировок войск (сил) агрессора **в районах их базирования**, сосредоточения и на коммуникациях (там же, п. б, абз. 2). В данном случае превенция довольно относительно, поскольку в любом случае касается действий против сил агрессора (потенциального агрессора).

Наконец, согласно Доктрине, Российская Федерация подтверждает свою принципиальную приверженность целям сдерживания агрессии, **предотвращения** войн и вооруженных конфликтов, поддержания международной безопасности и всеобщего мира, гарантируя последовательное и твердое выполнение Военной доктрины (заключительный абзац).

Положения Доктрины, как сказано в ее Преамбуле, **могут уточняться и дополняться** с учетом изменений военно-политической обста-

новки, характера и содержания военных угроз, условий строительства, развития и применения военной организации государства, а также **конкретизироваться** в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, в директивах по планированию применения Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, в иных документах по вопросам обеспечения военной безопасности Российской Федерации. Видимо, опираясь на это и исходя из резкого изменения военно-политической обстановки после англо-американской агрессии в Ираке, Президент Российской Федерации и министр обороны Российской Федерации неоднократно в течение 2003 года подчеркивали возможность применения Вооруженными Силами Российской Федерации превентивных военных действий в случае наличия серьезной угрозы военным и экономическим интересам РФ и нашим соотечественникам за рубежом. Понятно, что на собственной территории соответствующие превентивные военные действия осуществлять поздно, это может иметь место только за пределами границ государства.

Полагаем, что это вполне адекватная реакция на происходящие изменения в мире. Но еще раз подчеркнем, что эти изменения, возникновение новых вызовов и угроз и возвращение к оперированию понятием «превентивные военные операции» заставляет с полной серьезностью отнестись к мнениям тех юристов, которые полагают возможным возвращение в политический лексикон и в практику международных отношений понятия «превентивная самооборона».

Российская правовая наука стала привыкать к таким мнениям после публикации в России в 1996 году статьи Р.А. Мюллерсона и Д. Дж. Шеффера¹¹, посвященной общим вопросам применения силы в международных отношениях и особо интересной следующими соображениями. Как полагают данные авторы, Устав ООН «... не зачеркнул полностью права на превентивную самооборону, хотя он ставит ей строгие границы ... Устав не говорит, что право на самооборону возникает, если вооруженное нападение уже имело место. Поэтому важно определить *момент начала* вооруженного нападения. Включает ли понятие «вооруженное нападение» в смысле ст. 51 также *подготовку, развертывание и другие его начальные стадии*? ... При опре-

¹¹ Мюллерсон Р.А., Шеффер Д. Дж. Правовое регулирование применения силы // Вне конфронтации. Международное право в период холодной войны. Сборник статей. М., 1996.

делении начала вооруженного нападения следует принять в расчет характеристики современных наступательных вооружений, а также географические и иные факторы»¹² (выделено нами. – С.Г. и Ю.М.).

Весьма показательна и даже смела в данной связи позиция Н.В. Прокофьева, полагающего, что подобная трактовка указанными авторами Устава ООН *не только не вступает в противоречие со ст. 51 Устава ООН, но даже дополняет ее*¹³.

Сходные соображения высказывают и другие (в основном иностранные) авторы. После публикации В.А. Карташкиным осенью 2003 года статьи «Гуманитарная интервенция в глобализирующемся мире»¹⁴ (хотя автор и не анализировал конкретно превентивные односторонние акции государств) отношение в отечественной науке международного права к данному вопросу, похоже, постепенно меняется. И уже не столь незыблемыми кажутся привычные тезисы о том, что на сегодняшний день самостоятельно предпринять против государства-правонарушителя принудительные (тем более превентивные) меры, основываясь на положениях современного международного права, не представляется возможным.

Вместе с тем нельзя не отметить, что в известном решении Международного Суда ООН по делу «Никарагуа против США» Суд признал несостоятельными доводы США об их праве на превентивные военные действия в иностранном государстве в контексте «коллективной самообороны»¹⁵. И хотя мнение Суда базировалось на том лишь, что в современном международном праве (обычном и договорном) отсутствует норма, позволяющая государствам давать «коллективный вооруженный ответ (выделено нами. – С.Г. и Ю.М.) против актов, которые не представляли собой вооруженного нападения» (т.е. не захваты-

¹² Мюллерсон Р.А., Шеффер Д. Дж. Там же. С. 129.

¹³ Прокофьев Н.В. С. 19. Здесь же Н.В. Прокофьев соглашается с вполне ординарной мыслью Р.А. Мюллерсона и Д. Дж. Шеффера, что в таких неоднозначных ситуациях на государство, применяющее вооруженную силу в предвидении неминуемого вооруженного нападения со стороны другого государства, «ложится тяжелое бремя доказывания необходимости своих акций, и оно должно предъявить эти доказательства Совету Безопасности немедленно. Любое государство, ссылающееся на право превентивной самообороны, должно нести ответственность за свои действия». Мы с этим также согласны.

¹⁴ Карташкин В.А. Гуманитарная интервенция в глобализирующемся мире // Юрист-международник. 2003. № 3. С. 2-10.

¹⁵ Доклад Международного Суда 1 августа 1985 г. – 31 июля 1986 г. ГА. Офиц. отчеты. 41 сессия. Доп. 4. (A/41/4). ООН. Нью-Йорк, 1986. С. 7.

вался превентивный элемент), в постановляющей части, как указано выше, отрицалось право и на превентивные коллективные действия. Предполагается, что такая норма отсутствует и в отношении индивидуальных действий государств (право на односторонние превентивные меры). Однако в свете изложенного выше позиция Международного Суда в данном вопросе – вчерашний день истории.

Новые вызовы и угрозы современности, особенно вероятность применения террористическими и экстремистскими силами оружия массового уничтожения, не оставляют иного выбора, как переходить на меры превентивного характера. Безусловно, строго выборочно, а не в качестве общей политики. Но такая необходимость очевидна, и прежде всего в контексте так называемой непосредственной угрозы.

В этом плане представляют чрезвычайную важность современные законодательные акты государств типа приведенных положений Военной доктрины Российской Федерации, где используется понятие «потенциальные внешние угрозы военной безопасности Российской Федерации и ее союзников» (пункт 5 Доктрины)¹⁶. А в соответствии с Федеральным законом «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» в случаях агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии, возникновения вооруженных конфликтов, направленных против Российской Федерации, Президент РФ объявляет общую или частичную мобилизацию с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе (п.п. 6, п. 1, ст. 4). Видимо, потенциальные внешние угрозы и непосредственная угроза – понятия резко различающиеся и требующие предельной четкости в понимании. Использование в п. 10, подпункте «б» Военной доктрины РФ термина «угрожаемый период» мало проясняет ситуацию, хотя этот термин и близок по смыслу термину «непосредственная угроза».

В свете вышеприведенного материала очевидно, что новая военная доктрина России имеет в виду не только (хотя и преимущественно) собственно агрессию (в контексте хотя бы определения агрессии ООН 1974 года¹⁷), но и угрозу жизненно важным интересам государства, не относящимся к актам агрессии.

¹⁶ Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706 «Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 17. Ст. 1852.

¹⁷ См. Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 3314 (XXIX) от 14 декабря 1974 года (ст.ст. 1, 3).

В отношении агрессии очень важно, что Конституция РФ оперирует понятием «**непосредственная угроза агрессии**» (ч. 2 ст. 87), определение которому не дается. Нет его и в определении агрессии ООН, и в законодательстве других государств, что предполагает ориентацию на практику международных отношений.

Известно, например, какую огромную работу проводила Германия при подготовке плана «Барбаросса» (нападения на СССР): создание резервов продовольствия и горючего, проведение штабных учений и маневров войск приближенно к условиям возможных боевых действий на советской территории, наращивание производства военной техники, увеличение количества дивизий, активизация соответствующей деятельности разведки, переброска через границу шпионов и диверсантов (обычно под видом беженцев и лиц, якобы преследуемых гитлеровскими властями), дезинформационные мероприятия на уровне государственной политики с участием высшего руководства третьего рейха и т.п.¹⁸

Складывающаяся оперативная обстановка – вот подход к пониманию непосредственной угрозы агрессии. Собственно, элементы такой обстановки и называет С.В. Пчелинцев, перечисляя составляющие «непосредственной угрозы агрессии» для Российской Федерации: объявление иностранным государством (группой государств) войны России; необоснованная концентрация вооруженных сил иностранного государства (группы государств) на государственной границе Российской Федерации; проведение в иностранном государстве (группе государств), мобилизации; возникновение вооруженных конфликтов, направленных против Российской Федерации; иные действия государства (группы государств) включая заявления, сообщения и демонстрацию силы, осуществляемые в нарушение общепризнанных принципов и норм международного права, реально указывающие на подготовку к агрессии против Российской Федерации¹⁹.

Это весьма полезная попытка как-то определиться в данном вопросе, важность которого возрастает с усложнением международной обстановки и возрастанием вероятности принятия государствами одно-

¹⁸ Чугунов А.И. Граница накануне войны: Из истории пограничных войск. 1939-июнь 1941. М., 1985. С. 119; Советские пограничные войска. М., 1987. С. 14; Правда. 1989. 3 мая; Центральный архив Федеральной пограничной службы РФ, ф. 16, оп. 226, д. 264, л. 43.

¹⁹ См.: Пчелинцев С.В. Правовое регулирование военного положения в Российской Федерации: Дис. ... к.ю.н. М., Воен. ун-т., 1998. С. 36.

сторонних превентивных вооруженных действий в рассматриваемом здесь контексте.

В последнее время отмечено стремление западных политиков и некоторых юристов ввести в научный и политический оборот понятие «предупредительные действия» (preemptive actions) как своего рода противопоставление превентивным действиям (preventive actions). Приведенный перевод, который дается первому понятию в отечественной юридической литературе, мало кого убеждает, что речь идет о принципиально разных вещах. Во всяком случае, на русском языке в обоих понятиях сохраняется превенционный смысл недопущения возникновения какого-либо нежелательного события, факта (угрозы). Другое дело, если использовать основное значение термина preemption как «преимущественное право», тогда preemptive actions будет означать действия, просто совершенные прежде других субъектов права (международного права). То есть здесь превенция соотносится не с собственно событием (угрозой), которое следует предотвратить, а с обычным опережением действий других субъектов на основе преимущественного права, притом, что само нежелательное событие уже может быть свершившимся и его предотвращать поздно (можно только ликвидировать).

Нельзя не упомянуть также о соображениях по теме (точнее, близко к теме) С.А. Деханова, высказанных в 2003 году и в систематизированном виде выражающих позиции многих видных юристов, в первую очередь С.В. Черниченко²⁰. Среди этих соображений следующие:

- в одном случае силу можно рассматривать как один из способов реализации правовой санкции. В этом случае понятия силы и права становятся близки друг другу, просто объем понятия права в этом случае значительно шире объема понятия силы, и в этом смысле мы вправе говорить о правомерной силе. Во всех остальных случаях под силой следует понимать не ограниченную правом систему мер принуждения;
- в межгосударственных отношениях сила проявляется в первую очередь в виде международно-правового принуждения²¹;
- в современных условиях существует три категории индивидуальных материальных мер санкционного международно-правового при-

²⁰ Деханов С.А. Право и сила в межгосударственных отношениях // Московский журнал международного права. 2003. № 4. С. 38-48.

²¹ Черниченко С.В. Теория международного права. В 2 томах. Старые и новые теоретические проблемы. М.: НИМП. 1999. С. 215.

нуждения: реторсии, репрессалии и вооруженные меры самозащиты²²;

- несанкционное принуждение имеет договорный характер. Его особенностью является то, что оно не направлено против нарушителя международно-правовых предписаний, дозволений, запретов; его основаниями являются наступление форс-мажорных обстоятельств, непреодолимая сила и крайняя необходимость. Меры несанкционного принуждения также подразделяются на индивидуальные и коллективные;

- любое другое принуждение, осуществляемое в межгосударственных отношениях, является противоправным и нарушает один из важнейших принципов международного права – принцип неприменения силы. Нарушением принципа неприменения силы является **угроза силой и превентивная самооборона**;

- агрессия, предполагающая обязательное использование военной силы, является наиболее тяжким преступлением, которое является посягательством на интересы не только государства-жертвы, но и всего мирового сообщества²³;

- только Совет Безопасности, действуя от имени всех членов ООН, уполномочен решать, какие меры необходимо предпринять для устранения угрозы мира или акта агрессии, а все члены ООН обязаны подчиняться его решениям и выполнять их (ст. 25 Устава ООН). Даже при осуществлении права на самооборону, предусмотренного ст. 51 Устава ООН, решающее слово остается за Советом Безопасности ООН. Государство, подвергшееся нападению, должно немедленно сообщить СБ ООН об ответных мерах и может применять их до тех пор, пока СБ ООН не примет иного решения;

- борьба с международным терроризмом, в том числе и с использованием вооруженной силы, должна осуществляться на основе международного права, виновные в данном преступлении должны нести ответственность в установленном порядке как перед национальными судами, так и перед международной юстицией.

В целом здесь обозначены «традиционные» теоретические подходы к вопросу о применении силы в международных отношениях. К ним нельзя не присоединиться. Но с серьезной оговоркой насчет того, что «несанкционное принуждение имеет договорный характер», в абсолютном понимании данного тезиса. Как быть с «новыми» угрозами и вызовами современности, о которых гово-

²² Черниченко С.В. Указ. соч. С. 250.

²³ Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник. М.: Бек, 1997. С. 251.

рилось выше и на которые довольно часто поздно и просто нелепо (можно даже сказать – глупо) реагировать *post factum*? Об осознании нелепости такой реакции свидетельствуют, кроме прочего, вышеприведенные концепции (военные доктрины) США и России, предусматривающие возможность совершения соответствующих превентивных военных действий.

Мы однозначно расцениваем это как очевидное свидетельство возрождения концепции превентивной самообороны. По понятным причинам очень не хотелось бы именно так квалифицировать указанные превентивные вооруженные «тенденции». Но другого выхода нет. Единственное, что при этом непременно следует иметь в виду, – это новое содержание указанной концепции, предполагающей, что соответствующие превентивные военные акции, кроме прочего, только в том случае правомерны, когда они не направлены против суверенитета и территориальной целостности того или иного государства. То есть исключают оправдание очевидной агрессии.

Можно сказать, что современная доктрина международного права отстает от национальных военных доктрин в рассматриваемом нами вопросе. О превентивных военных акциях начинают говорить, но только в плане миротворческих операций. О.О. Хохлышева, к примеру, разделяет последние на «превентивные действия (акции) по сохранению мира, операции по установлению мира, операции по поддержанию мира, операции по принуждению к миру, постконфликтное построение мира, гуманитарные акции»²⁴.

В указанном перечне внимание могли бы привлечь превентивные действия (акции) по сохранению мира и гуманитарные акции, если бы не помещение их автором в рамки традиционных операций ООН по поддержанию мира, а не самозащитных мер государств.

Да, напрашивающееся выражение «превентивные односторонние миротворческие операции» сегодня звучит как-то нелепо. (Если не воспринимать его, добавим, как новый термин). По этой причине, вполне естественно, в известном докладе Генерального секретаря ООН Б. Бутроса Гали «Повестка дня для мира», где определены различные типы миротворческой деятельности, предпринимаемые ООН, поднимаемая нами тема (формально, как правило, толкуемая в плане агрессии) просто не упоминается (хотя, отметим, очень важно, что акцент

²⁴ Хохлышева О.О. Механизм международно-правового регулирования операций ООН по поддержанию мира. Автореф. Дис. ... к.ю.н. М.: МГИМО (У) МИД РФ, 2000. С. 5.

при осуществлении самих операций ООН по поддержанию мира «последнего поколения» сделан на предотвращении конфликтов)²⁵.

Мы понимаем, что столько резко поставленные акценты в данной статье поднимают целый пласт сопутствующих сложнейших вопросов, касающихся, кроме прочего, и четкого обоснования и порядка проведения превентивных односторонних операций, и возможной роли решений СБ, функций и статуса «превентивных войск» на иностранной территории, и т.д. и т.п. Но это материал для гораздо более широкого исследования.

²⁵ See: An Agenda For Peace. Preventive Diplomacy, Peacemaking and Peacekeeping. Report of the Secretary-General, 17 June // SIPRI Yearbook, 1993. P. 68.